

АРКАДИЯ

САГА

САНДРА ГАЛЛАНД

ИГРА
НАДЕЖДЫ

АРКАДИЯ

Санкт-Петербург

2019

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)
Г15

Sandra Gulland
THE GAME OF HOPE

Перевел с английского
Александр Авербух

Дизайнер обложки
Александр Андрейчук

Художник
Дина Климовицкая
(в оформлении обложки использована копия картины
Мари-Дениз Вильер «Рисующая молодая женщина»)

Издательство выражает благодарность
литературным агентствам *Westwood Creative Artists*
и *Synopsis Literary Agency* за содействие в приобретении прав

Галланд С.

Г15 Игра надежды : [роман] / Сандра Галланд; [пер. с англ.
А. Авербуха]. — СПб. : Аркадия, 2019. — 416 с. — (Серия
«Аркадия. Сага»).

ISBN 978-5-906986-48-1

Книга повествует о юных годах жизни приемной дочери Наполеона
Гортензии Богарне. Совсем крошкой девочка пережила ужасы револю-
ции и казнь отца, а в возрасте двенадцати лет ее отдали на воспитание
в школу-интернат.

В каких условиях формировался ее решительный и непокорный ха-
рактер будущей королевы Голландии, как складывались непростые отно-
шения с матерью и знаменитым отчимом, рассказывает Сандра Галланд,
используя свой любимый прием: тайные дневники и письма.

УДК 821.111
ББК 84(7Кан)

© Sandra Gulland, 2018
© Издание на русском языке,
перевод на русский язык, оформление
ООО «Издательство Аркадия», 2019

ISBN 978-5-906986-48-1

Посвящается моей грозной троице:
Элли, Кики и Эстели

Тайное горе более жестоко, чем горе
общеизвестное.
Вольтер «Кандид»

Историческая заметка

«**Э**то было лучшее из всех времен, это было худшее из всех времен...» — так в своем романе «Сказка о двух городах» Чарльз Диккенс писал о Французской революции, которая началась с идей человеколюбия (лучшее из времен), а закончилась террором (худшее из времен).

Террор возник, когда у власти оказался Робеспьер, называемый иногда «тираном». Во время его правления тысячи невинных, многие из которых были аристократами, оказались в тюрьмах. Большая часть этих заключенных были казнены — обезглавлены с помощью приспособления, названного по имени доктора Жозефа Гильотена, который предложил гильотинирование в качестве «гуманной» альтернативы повешению. Говорят, доктор был очень огорчен тем, что его имя оказалось связано с машиной, ужасающе часто использовавшейся во время террора.

В такой обстановке проходило детство Гортензии. После свержения и казни Робеспьера из тюрем выпустили тысячи заключенных, среди которых была и мать Гортензии, Жозефина Богарне, которую, в отличие от отца, не успели казнить.

В описании детства и юности Гортензии использованы реальные исторические факты и документы, например письма мадам Кампан, которая возглавляла школу-интернат, где училась Гортензия. Молодой композитор Гиацинт Жеда действительно был учителем Гортензии.

Действие романа «Игра надежды» начинается в тысяча семьсот девяносто восьмом году, через четыре года после прекращения террора. Франция

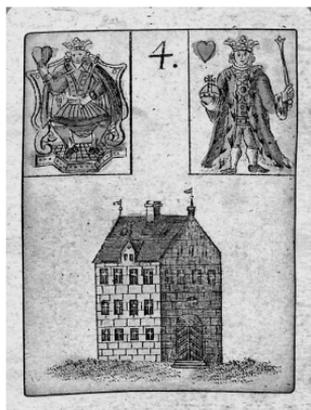
лежит в руинах, многие все еще оплакивают гибель своих близких. Среди них и Гортензия, тяжело переживающая смерть своего любимого отца, жизнь которого оборвалась на плахе.

ГЛАВА I

УБЕЖИЩЕ

*6 фрюктидора 6-го года — 1 вандемьера 7-го года
(12—21 сентября 1798 года)*

Карта «Дом»: убежище

Сон

Плавно скользя в дрожащем свете свечи, ко мне приближался человек в плаще с низко надвинутым капюшоном.

Сердце мое радостно забилося — отец!

Он протянул руку в белой перчатке. Вокруг его головы разливался свет — ореол надежды.

Но затем, как случилось в каждом сне, его капюшон сполз на спину, и там, где должна быть голова, показался окровавленный обрубок шеи.

Я закричала и затряслась от ужаса, хватая ртом воздух, сердце бешено колотилось.

Проснувшиеся Мышка и Эм кинулись ко мне, чтобы успокоить, но рыдания продолжали сотрясать мое тело.

Что отец хочет сказать мне?

Зачем он является?

Привлеченная шумом, в дортуар вбежала мадам Кампан — директриса нашего интерната, — как была: в помятой ночной одежде, небрежно брошенной на плечи шали и с горящей свечой в руке.

— Ты так кричишь, мой ангел! Напугаешь наших маленьких гениев, — прошептала она. В свете пламени лицо директрисы, изрезанное тенями, стало напоминать лицо вурдалака.

— Простите, — всхлипнула я, вытаскивая из-под подушки миниатюрный портрет отца. О как он был красив и элегантен! И как ужасно умер: под улюлюканье собравшейся толпы его голова скатилась в корзину со стружками.

— Это ее обычный кошмар, — дрожащим голосом объяснила Мышка директрисе, своей тетушке.

— Кошмар об ее отце, — пояснила моя кузина Эм.

Я взглянула в глаза директрисы. Она была очень строга и требовательна к воспитанницам, но мы все ее любили.

— Ему... — Я поморщилась и провела ребром ладони поперек шеи.

— Ну, мои дорогие! — воскликнула директриса, раскрывая объятия.

Волоча за собой одеяла, Эм и Мышка устремились к мадам Кампан и, обхватив ее руками, прижались к ней. Я чувствовала, как дрожит Мышка. Нам нравилось называть себя Грозной троицей, но по ночам из грозной наша троица превращалась в испуганную.

— Повторяйте за мной, — проговорила директриса, укутывая нас одеялом (от нее приятно пахло ванилью). — Мы теперь в безопасности.

— Мы теперь в безопасности, — отозвались мы.

Теперь в безопасности, в безопасности, в безопасности...

Но так ли это? Прошло четыре года с тех пор, как казнь тирана Робеспьера положила конец террору, но что, если он начнется снова? В нашей школе почти все девочки были из дворянских семей. Кто защитит нас от преследования и ужасной смерти на гильотине?

Я прикусила губу, вспомнив запах, исходивший от мертвых тел, сваленных на площади, как мусор.

Директриса сильно сжала мне плечо, возвращая к действительности.

— Вы росли в жестокое время, — мягко сказала она. — Вы видели вещи, которые детям видеть не следует. Но воспоминания подобны написанному на вощенной табличке — их можно стереть. Вы умны, талантливы, творчески одаренны. Вы сможете стать кем захотите, но сначала вам необходимо научиться контролировать свои мысли, даже во сне.

Она аккуратно заправила мне под ночной чепец выбившиеся пряди волос.

— Запомните: теперь вы в безопасности.

Теперь мы в безопасности...

Я проснулась, когда еще не рассвело. Мысли мои путались, сердце разрывалось от боли.

Отец, зачем так меня пугать?

Разве я была причиной твоей смерти?

Свернувшись калачиком под одеялом, я зашептала утренние молитвы. Я просила, чтобы этот сон мне больше не снился. А еще — чтобы с братом Эженом, который в это время с армией отчима находился в Египте, все было хорошо. Просила я и о том, чтобы мой отчим, генерал Бонапарт, исчез из моей жизни, затерялся бы где-нибудь в песках этой варварской страны.

Молилась, чтобы стать лучше и избавиться от таких дурных мыслей.

Молилась, чтобы мама оставила попытки найти мне мужа.

Молилась, чтобы у меня появилась собственная лошадь.

Молилась, чтобы мне досталось шоколадное пирожное, одно из тех, что раздавала директриса и которое мы называли маделином.

И потом особенно горячо молилась — я знаю, это грешно, — о благополучии еще одного человека, находившегося с армией отчима в Египте.

С рассветом я выскользнула из постели и, дрожа всем телом, завернулась в шаль. Тихо, чтобы не разбудить Мышку и Эм, положила в камин растопку с несколькими сучьями и принялась раздувать угли, пока все это не загорелось. Услышав пение петухов, я на цыпочках подошла к окну и открыла задвижки ставней. Для ранней осени снаружи было довольно

холодно, кое-где на булыжниках, выстилавших двор, лежал иней.

В комнате стоял большой письменный стол, который я делила с Мышкой и Эм. Один его угол занимала стопка моих толстых тетрадок. Меня не было в школе целых три месяца. Все это время я ухаживала за моей бедной матерью, которая едва не погибла, когда под ней обрушился балкон. Я очень скучала по школе, в которую поступила в двенадцать лет, вскоре после казни отца и освобождения из тюрьмы мамы. Теперь мне пятнадцать, мама вышла замуж за генерала Бонапарта, а мой брат служит в его штабе в Египте.

Время пронеслось так быстро! И все же в нем нашлось место смерти, которая нанесла удар внезапно, как разбойник, поджидавший свою жертву.

Теперь мы в безопасности. Но так ли это?

За дверью послышались шаги горничной. Металлической палочкой она ударяла по железному треугольнику, отчего коридоры школы оглашались резким звоном. Шесть часов: пора всем просыпаться.

Эм застонала и натянула себе на голову одеяло.

— Ты хоть немного поспала, Гортензия? — спросила Мышка сонным голосом.

— Чуть-чуть, — ответила я, зевая. После страшного сна мне еще долго не удавалось уснуть.

Эм под одеялом захихикала.

— Ты не давала мне спать остаток ночи, — сказала она, высовывая наружу нос. — Все что-то лепетала, ангелочек ты наш.

— Нет! — отрезала я, покраснев. Я делилась с Мышкой и Эм всеми тайнами, кроме одной. Мне не хватало смелости открыться им, поскольку я знала, что они сочтут ее глупостью. Мне пятнадцать лет, я некрасива, небогата и по уши влюблена в самого привлекательного из адъютантов генерала Бонапарта — молодого человека, которого

видела всего несколько раз и который сейчас далеко в Египте. Он вряд ли помнит мое имя.

— У тебя есть кавалер? — поинтересовалась Мышка.

— Был бы, ты бы знала, — ответила я, доставая одежду из своего дорожного сундука. На самом деле, это правда: у меня нет кавалера. Но если бы он появился, я бы хотела, чтобы им стал вполне определенный человек.

Снова прозвенел треугольник: пора вставать!

— Твоя очередь идти первой, Эм, — скомандовала Мышка. После перехода на зимнее расписание мы будем вставать в семь.

Эм, недовольно вздохнув, вылезла из-под одеяла, взяла свой ночной горшок и скрылась за ширмой.

— Ой! — раздался ее вскрик. — Опять кровь...

— Тебе ничего не надо?

— Тут есть тряпки, — отозвалась Эм.

В дверь постучали.

— Гражданка Гортензия, вы вернулись! — воскликнула вошедшая горничная Флор, увидев меня.

— Вчера вечером приехала, — уточнила Мышка, снова завернувшись в одеяло. — В темноте.

— Как поживает ваша красавица-мама? — продолжила расспросы Флор, наполняя наши фаянсовые тазики водой, от которой шел пар.

— Милостью божьей ей лучше. Она уже встает.

После ухода Флор треугольник прозвенел в третий раз: время одеваться!

Мышка села и стала нащупывать на столике возле кровати свои очки.

— Немного прохладно, — заметила я, надевая фланелевую юбку и поверх нее шерстяное школьное платье, которое (о да!) становилось мне тесновато в груди.

Когда я застегивала разноцветный пояс (мы называли его многоцветкой), который носили ученицы,